

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА В СОСТАВЕ РАЗВИТОЙ ПИСЬМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ

А. ДРАЗДАУСКАС

Синтаксис является областью настолько изученной в смысле обсуждения основных его теоретических таксономий, что иногда представляется, что сказать что-нибудь новое о синтаксисе вообще невозможно. Чем больше знакомишься с литературой вопроса, тем больше поражаешься тому огромному количеству трудов, которые были посвящены таким кардинальным вопросам синтаксиса, как сущность предложения¹, природа членов предложения², вопрос о сочинении-подчинении, управлении-согласовании³ и т. д., не говоря уже о целом ряде более периферийных вопросов, таких, как особенности или характер тех или других специфических синтаксических

¹ J. Ries, Was ist ein Satz? Marburg, 1894; E. Seidel, Geschichte und Kritik der wichtigsten Satzdefinitionen, „Jenaer Germanistische Forschungen“, Band 27, Jena, 1935; Russel H. Barker, The Sentence, N. Y., 1939; Karl F. Sundén, Linguistic Theory and the Essence of the Sentence, „Göteborgs högskolas årsskrift“, Bd. 47, N. 5, 1941; S. Stati, Beiträge zum Studium der Definition und Klassifikation der Sätze, „Studii si cercetari lingvistice“, VI, Bucuresti, 1955; R. Long, The Sentence and Its Parts, Chicago, 1961; F. Hiorth, Zur formalen Charakterisierung des Satzes, The Hague, Mouton, 1962; F. Braun, Studien zu Konstituentenstruktur und Merkmalanalyse englischer Sätze, Hamburg, 1969; E. Seidel, Zur Problematik der Satzdefinition. In: Linguistique contemporaine, Homage à Eric Buysens, Bruxelles, 1970, pp. 271–285; R. E. Longacre, The Notion of Sentence, Ibid., pp. 15–25; Ю. В. Ванников, Вопросы строения предложения, М., 1960; Л. С. Бархударов, Структура простого предложения современного английского языка, М., 1966; Г. Г. Почепцов, Конструктивный анализ структуры предложения, Киев, 1971.

² A. Sandmann, Subject and Predicate. A Contribution to the Theory of Syntax, Edinburgh, 1954; Совещание языковедов Юга России и Северного Кавказа по вопросам о членах предложения (Тезисы докладов), Ростов-на-Дону, 1959; Выделение подлежащего и сказуемого в английском языке (Сборник статей), Новгород, 1962; К. А. Андреева, Разграничение дополнения и обстоятельства в современном английском языке, канд. дисс., М., 1970; К. П. Акулова, Разграничение членов предложения в современном немецком языке, изд.-во ЛГУ, Л., 1971.

³ M. Sandmann, Subordination and Coordination, „Archivum linguisticum“ 2, 1950, pp. 24–38; Н. М. Александров, К вопросу о сочинении и подчинении предложений, канд. дисс., Л., 1957; М. Е. Шафиро, Присоединение как явление речевого синтаксиса, Саратов, 1965.

конструкций, как, например, односоставное предложение⁴, номинативное предложение⁵ и т. д. Все эти вопросы получили уже необыкновенно разностороннее освещение с самых разнообразных точек зрения.

Тем не менее мы решаемся сделать несколько замечаний относительно того, как нам представляется сейчас необходимым вести синтаксическое исследование, или иначе — для того, чтобы дать по возможности полное представление о той синтаксической концепции, которую мы предполагаем положить в основу своих дальнейших исследований.

Нам кажется, что в отношении синтаксиса, так же как и в отношении всех остальных аспектов или сторон лингвистического исследования, с самого начала необходимо очень ограничить себя и четко выделить те аспекты и проблемы, которые нам представляются основными, так как многообразие фактов реальной действительности оказывается настолько большим, что исследователь как бы тонет в необъятном море понятий и построений и, естественно, в результате этого не может прийти к сколько-нибудь четким и определенным выводам. Хотя синтаксическое исследование строилось и строится представителями разных школ в противоположных направлениях, т. е. либо от мельчайших, предельных речевых единиц к более крупным и, наоборот, особенно в последнее время, начиная с сверхфразового единства и идя „вниз“ к предельным единицам, основным для синтаксиса остается и теперь своего рода „срединная“ категория, а именно предложение. Поэтому самое первое, с чего мы хотим начать, это — абсолютная необходимость совершенно отчетливо выделить те синтаксические единицы, которые безусловно и несомненно являются предложениями, и четко отличить, отграничить их от тех высказываний, которые по тем или иным причинам являются неполными, фрагментарными и, на что особенно надо обратить внимание, весьма специфическими и поэтому лишь с большим трудом поддающимися подведению под такие категории, как „предложение“. Иными словами, здесь мы полностью солидаризируемся с авторами книги *“The Theory of Syntax in Modern Linguistics”*⁶. Мы

⁴ С. А. Суркова, Односоставные предложения и родственные им по смыслу конструкции в современном немецком языке, канд. дисс., Л., 1956; В. И. Жданова, Односоставные безличные и глагольно-личные предложения в ангаро-ленских говорах, Канд. дисс. Томск, 1970.

⁵ С. Кацнельсон, К генезису номинативного предложения, М.—Л., 1936; Г. Е. Каган, Номинативные предложения в современном немецком языке, канд. дисс., Л., 1970 и др.

⁶ См. Olga Akhmanova and Galina Mikael'an, *The Theory of Syntax in Modern Linguistics*, The Hague, Mouton, 1968, p. 118, где авторы в этой связи говорят следующее: *“It can hardly be doubted that it (i. e. the sentence) must be based on [the degree of] ‘formattedness’ of an utterance, which will also be a measure of degree of its ‘sentencehood’. A sentence (when*

настаиваем на том, что продуктивным синтаксическое исследование будет только при условии, если с самого начала мы отграничим от всей основной массы реально осуществившихся или возможных высказываний то, что авторами вышеупомянутой книги удачно обозначено как “the properly formatted sentence”⁷.

Во всех странах, всюду изучаются языки — родной и иностранный, всюду людей обучают говорить и писать, всюду люди пользуются языком прежде всего, как мы думаем, для передачи жизненно важных сообщений друг другу, во всяком случае таких сообщений, рациональной передачи которых людей надо учить. Конечно, нам могут возразить, что возглас „Fire!“ или крик боли „Oh!“ — это тоже в определенной ситуации жизненно важные сообщения. Мы совершенно убеждены, однако, что для построения такого рода сообщений не нужно специального обучения. Многовековой опыт человечества показывает, что реальную синтаксическую проблему в плане тех задач, которые стоят перед исследователями синтаксиса (и которые мы осветили выше) представляет именно обучение связной литературной речи, построенной по правилам грамматики данного языка и, поэтому, удовлетворяющей редактора произведения письменной речи, делающей возможным слушание лекций, выступление оратора на митинге, помещение статьи в газете, создание научного труда и т. д. и т. п. Этот аспект синтаксиса есть аспект важнейший. Это тот аспект, на котором в первую очередь следует сосредоточить внимание, причем, как мы уже сказали, этот аспект важнейший именно с точки зрения жизненных, жизненно важных задач, стоящих перед языковедом. И мы поэтому еще раз повторим, что для передачи сообщений, естественно облачающихся в однословное предложение, тем более в предложение междометное или предложение, ограничивающееся простым выражением утверждения или отрицания (типа „Yes“ или „No“), не нужно специального обучения. Их легко строить, им не нужно обучать, тогда как “the properly formatted sentence” развитого литературного языка — это проблема и проблема огромная. Это — искусство построения речи, которому всех учат и, к сожалению, не всегда успешно именно потому, что ученые-лингвисты не уделяют достаточного внимания этому важнейшему аспекту этого раздела языкознания.

Из сказанного с несомненностью вытекает настоятельная необходимость вновь обратиться к учению о членах предложения. Как известно,

full-blown) is an utterance which has been formatted, in such a way as to be acceptable for school-teaching, editorial work, efficient stenography, etc.”

⁷ Ibid., pp. 116—118.

это учение неоднократно подвергалось сомнению, иногда просто отрицалось представителями разных синтаксических направлений по той причине, что это учение якобы является не собственно лингвистическим, а зиждется на сложных предпосылках логического и психологического характера. Вместо этого предлагались разнообразные понятия, из которых главнейшим является понятие „непосредственно составляющих“ или IC (immediate constituents)⁸ и NP – VP трансформационной модели Н. Хомского⁹.

Однако эти подходы ограничиваются абстрактно-логической стороной синтаксического построения, а реальность языкового общения остается недостаточно разъясненной¹⁰. Поэтому то мы и настаиваем на первостепенной важности „членов предложения“. Мы убеждены в том, что такими категориями, как „непосредственно составляющие“ или NP (noun phrase) – VP (verb phrase) и т. д., этот подход к предложению заменен быть не может.

⁸ См. L. Bloomfield, *Language*, N. Y., 1933; K. Pike, *Taxemes and Immediate Constituents*, "Language", vol. 19, No. 2, 1943; R. S. Wells, *Immediate Constituents*, "Language", vol. 23, No. 2, 1947. Также см. О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян, *Современные синтаксические теории*, изд-во МГУ, М., 1963; Э. Р. Атаян, *Проблемы и методы структурного синтаксиса*, Ереван, 1962; Л. И. Илия, *Методы членения синтаксического целого*, Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, т. XIX, 1959; Н. А. Слюсарева, *Лингвистический анализ по непосредственно составляющим*, ВЯ, 1960, № 6; N. F. Irtenyeva a. o., *A Theoretical English Grammar (Syntax)*, М., 1969.

⁹ См. N. Chomsky, *Syntactic Structures*, The Hague, Mouton, 1957; N. Chomsky, *Aspects of the Theory of Syntax*, Cambridge Mass., 1965; Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику, гл. X, Синтаксис, М., 1959. Также см. Ю. Д. Апресян, *Метод непосредственно составляющих и трансформационный метод в структурной лингвистике*, „Русский язык в национальной школе“, 1962, № 4; его же: *Идеи и методы современной структурной лингвистики*, М., 1966; Р. Б. Лиз, *Что такое трансформация*, ВЯ, 1961, № 3; Т. М. Николаева, *Что такое трансформационный анализ*, ВЯ, 1960, № 1; Тезисы докладов на конференции по структурной лингвистике, посвященной проблемам трансформационного метода, Институт русского языка, изд-во АН СССР, М., 1961.

¹⁰ Трансформационалистские схемы не дают возможности убедительного анализа реальных высказываний, потому что схемы эти не в состоянии раскрыть подлинную морфосинтаксическую и лексико-фразеологическую природу реальных произведений речи. См. по этому поводу нашу статью „Синтаксические понятия и реальность речи“ — „Вестник Московского ун-та“, серия Филология, 1970. № 5.

Критику теории Н. Хомского см. О. С. Ахманова, „Смыслы“ естественных человеческих языков и рациональная семантика, ИЯШ, 1968, № 3; е же е: Естественный человеческий язык как объект научного исследования, ИЯШ, 1969, № 2; О. С. Ахманова и др., Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации, Предисловие, изд-во МГУ, М., 1969; Э. М. Уленбек, Еще раз о трансформационной грамматике, ВЯ, 1968, № 3–4; Ch. S. Hockett, *The State of the Art*, The Hague, Mouton, 1968; Ralph B. Long, *English Grammar in the 1970's*, "College English", 1970, vol. 31, No. 8, pp. 763–773.

Мы считаем поэтому, что наша задача заключается прежде всего в том, чтобы учение о членах предложения подвергнуть глубокому и серьезному научному рассмотрению, учитывая все те критические замечания, которые по этому поводу были сделаны и продолжают делаться, отличая при этом по возможности отчетливо и последовательно сам предмет, с одной стороны, и метаязык, метаязыковое обозначение тех или других реальных объектов — с другой. Иными словами, вопрос для нас вовсе не заключается в том, чтобы негодовать по поводу замены термина „второстепенные члены“ термином „детерминант“, „обстоятельный детерминант“ и т. п.¹¹ Вообще не может быть никакого метаязыкового запрета, и каждый ученый имеет право пользоваться наиболее удобным для него метаязыком. Однако мы не видим никаких оснований менять названия, если это не вызывается какими-нибудь действительно серьезными и глубокими причинами. Мы здесь не видим никакого основания его менять потому, что если основным предметом нашего исследования является “the properly formatted sentence”, т. е. полностью развитое, нормальное, вполне грамматическое предложение, то у нас нет никаких оснований для того, чтобы отказаться от деления его на члены предложения, поскольку члены предложения — это „наиболее типичные соединения данной синтаксической связи и данного содержания синтаксических отношений как наиболее регулярно и закономерно воспроизводимые в различных (разнообразных) высказываниях“¹². Уже многовековая практика филологов выделила эти типичные соединения или сочетания определенных типов синтаксической связи с определенными типами синтаксического содержания, которые и функционируют соответственным образом в том полностью развитом, грамматическом предложении (the properly formatted sentence), являющемся основой письменного литературного языка.

Конечно, из всего сказанного никак не следует, что мы не хотим или считаем ненужным дальше развивать это учение, т. е. что мы считаем его совершенно достаточно развитым и поэтому только стремимся, так сказать, его утвердить. Напротив, мы прекрасно сознаем, какие огромные трудности таятся в синтаксическом анализе, потому что реальность речевого общения настолько многообразна, подвижна и изменчива, что ее фактически невозможно вложить в строгие рамки даже самой лучшей системы.

¹¹ Ср. Грамматика современного русского литературного языка, АН СССР, Изд-во „Наука“, М., 1970, стр. 624—633.

¹² О. С. Ахманова, Словарь лингвистических терминов, М., 1969, стр. 518.

Основное направление развития нашей науки должно, по-видимому, заключаться в следующем: необходимо гораздо более серьезно, чем это делалось до сих пор, поставить вопрос о соотношении между письменной и устной речью или, иначе, о литературном тексте, с одной стороны, и его звучанием — с другой.

Этот вопрос для современных живых языков имеет совершенно исключительное значение и совершенно особую остроту. Если речь идет о мертвом языке, уже более не функционирующем в живом общении, то проблема его голосового воспроизведения решается очень просто — имеется некий условный способ воспроизведения тех или иных фонетических знаков или букв, которому и следуют обучающиеся этому языку. Ясно, что никакого стилистического многообразия в устном воспроизведении давно уже „не звучащих“ языков представить себе невозможно. Что же касается живых языков, то здесь мы все время встречаемся с колоссальным многообразием в интерпретации, воспроизведении или „исполнении“ текста¹³.

Однако, поскольку нашим предметом является не стилистика, а синтаксис, наша задача заключается в том, чтобы, сравнивая между собой разнообразие воспроизведения одного и того же текста, выявить в нем то важное, главное, наиболее общее, что существенно для понимания особенностей строения высказывания, оформленного по правилам синтаксиса письменного литературного языка. И здесь особый интерес представляет мало изученная проблема связи между ритмико-интонационным построением законченного литературного предложения и его делением на „члены“, т.е. тем, с какой степенью четкости выделяются они в его составе. Правда, в отношении второстепенных членов кое-что уже сделано¹⁴; думается, однако, что здесь есть и другие моменты, которые потребуют новых методик и подходов к материалу.

Как известно, одно и то же слово (или группа слов) функционирует совершенно по-разному в зависимости от того, каков более протяженный ритмико-мелодический контур высказывания¹⁵, например:

(1) He paid | for the bench **in the park** (определение).

(1) He paid for the bench | **in the park** (обстоятельство места).

¹³ Для более известных литературных произведений таких вариантов чтения уже есть несколько, и мы сталкиваемся здесь с большим выбором разных толкований одного и того же печатного текста.

¹⁴ См. Г. Б. Микаэлян, К вопросу о членении предложения в английском языке (на материале прилагательного определения), канд. дисс., М., 1966.

¹⁵ Разное ритмико-интонационное оформление, в данном случае расстановка пауз, меняет функциональную перспективу предложения, от чего зависит и разбор предложения на синтаксическом уровне.

(2) They decorated | the girl **with flowers** (определение).

(2) They decorated the girl | **with flowers** (предложное дополнение).

Однако вопросом о специфике того или другого ритмико-мелодического контура проблема отнюдь не исчерпывается. Если мы посмотрим на определение интонации в „Словаре лингвистических терминов“¹⁶, то мы увидим, что этот термин употребляется весьма нечетко для определения сложного комплекса просодических элементов, включающих не только собственно мелодику, т. е. изменение высоты тона, паузацию, но также и такие категории, как ритм, интенсивность, темп и др. Причем особенно существенным для нас здесь является такая категория, как диапазон (*range*), которая также, наряду с другими плохо определенными и малоиспользуемыми категориями, безусловно входит в состав элементов, составляющих предложение. (В этой связи, конечно, нельзя не заметить, что сама проблема диапазона, в смысле *range*, как явления фонетического, как элемента, так сказать, *Satzphonetik*, еще далеко не изученная и недостаточно применяется в синтаксическом исследовании).

Подходя к обсуждению этих важнейших моментов, мы должны тщательно отграничить семантический или грамматический уровень исследования от уровня метасемиотического [или 'сверхсинтаксического (*suprasyntactic*)]. Надо сразу же сказать, что это сделать очень трудно потому, что, поскольку мы хотим выделить именно фонетические свойства высказывания на сверхсегментном уровне, то здесь провести четкую грань между грамматическим и метасемиотическим, между синтаксическим и сверхсинтаксическим, между лингвистическим и паралингвистическим моментами очень трудно.

Хотя это и очень трудно, нам представляется, что это не невозможно. Ведь существует же такое явление, как разделение главных членов предложения предикативной паузой? Представляется интересным обратить внимание на тот факт, что хорошая стенографистка, стенографируя самый разнообразный по содержанию материал, который она не может понимать содержательно¹⁷, всегда правильно его запишет. Почему? Потому, что она ориентируется на предикативную паузу. Она совершенно отчетливо — сколь длинным ни было бы предложение — уловит предикативную паузу, как ту ритмико-интонационную границу, которая вполне отчетливо разделяет главные члены предложения. Но если это так, то это обязательно предполагает отграничение главных членов предложения друг от друга

¹⁶ О. С. Ахманова, Словарь, стр. 180—182.

¹⁷ Ср. Вопросы оптимизации естественных коммуникативных систем (под общей редакцией О. С. Ахмановой), изд-во МГУ, М., 1971, стр. 124—125.

путем какой-то совокупности ингредиентов, которые входят в то, что мы понимаем под интонацией. Опираясь на это, вполне логично предположить, что второстепенные члены предложения (или всякого рода „детерминанты“) не могут не оформляться соответствующим образом и ритмико-интонационно.

Поэтому мы не сомневаемся в возможности выделить соответствующие просодические факты как грамматическое явление, как обязательное, как входящее в существо, в структуру предложения в том понимании этого термина, которым мы собираемся сейчас заняться. При этом совершенно ясно, что мы должны не позволить себе растворить эти положения во всей сложнейшей надстройке сверхсинтактики, паралингвистики, логических ударений, произвольно расставляемых там или здесь и т. д. и т. п. (Имеются всевозможные средства в распоряжении говорящего, чтобы ставить логическое ударение в самых неожиданных местах, меняя функциональную перспективу предложения, создавая своеобразные особенности его актуального членения, т. е. вышивать всевозможные паралингвистические узоры на основной канве синтаксического членения). Повторяем, что предметом нашего исследования является основное синтаксическое членение предложения, строение того сложного синтаксического целого, которое является основой правильного грамматического построения развитой литературной письменной речи, на которой строится все интеллективное общение людей.

Вполне осознавая огромные трудности этой проблемы, мы все-таки считаем вполне возможной организацию такого исследования (в частности, мы уже, в какой-то степени, применяли эту методику в исследовании того материала, который приводится ниже в нашей статье).

“THE PROPERLY FORMATTED SENTENCE“ AS THE BASIC SYNTACTIC UNIT OF ELABORATE WRITTEN LITERARY DISCOURSE

A. DRAZDAUSKAS

Summary

The term “sentence“ should be used only to denote the properly formatted syntactic units, and is therefore inapplicable to different kinds of casual utterances. The sentence is analysable into its “parts“. It is therefore futile to substitute other terms for the latter or to try to do away with this concept altogether, which is especially harmful to proper linguistic education.

The reality of the parts of the sentence is proved by applying different syntactic, semantic and phonetic (prosodic) criteria.

Vilniaus V. Kapsuko
universitetas
Anglų kalbos katedra

Iteikta
1971 m. rugsėjo mėn.